

Д. В. Майборода

Минский государственный лингвистический университет, Минск

D. V. Maiboroda

Minsk State Linguistic University, Minsk

УДК 141

АНАЛИТИЧЕСКАЯ И ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

ANALYTICAL AND DIALOGICAL PHILOSOPHY

Диалогическая философия может быть представлена сутью европейской (и евразийской) философии, поскольку она лучше соответствует стандартам антропологического, лингвистического и плюралистического поворота, чем господствовавшая ранее диалектика. Влияние аналитической философии на диалогическую позволяет корректировать ее деформацию в сторону синтеза, создавая возможность проекта «диалогического центризма», который бы преодолевал недостатки крайних философских позиций.

Ключевые слова: аналитическая философия; диалогическая философия; диалогизм; европейская философия; англо-американская философия; диалектика.

Dialogical philosophy can be represented as the essence of European (and Eurasian) philosophy, since it better corresponds to the standards of the anthropological, linguistic and pluralistic turn than the previously dominant dialectic. The influence of analytical philosophy on dialogical philosophy allows for the correction of its deformation towards synthesis, creating the possibility of a project of “dialogical centrism” that would overcome the shortcomings of extreme philosophical positions.

Keywords: Analytical Philosophy; Dialogical Philosophy; Dialogism; European Philosophy; Anglo-American Philosophy; Dialectic.

Подобно тому, как аналитическая философия считается выражением сути англо-американской интеллектуальной традиции, диалогизм может рассматриваться как суть европейского и евразийского интеллектуального пространства. Безусловно, диалогическая философия – далеко не самое яркое направление в европейской философии. За это звание с большим основанием борются марксизм, иррационализм и структурализм. Но яркость – проявление экстремума, в философии – крайностей в трактовке идей. Если же ориентироваться на умеренные интерпретации концептов, то на первый план выходят диалектическая и диалогическая философия.

Аналитическая философия в период своего возникновения как раз противопоставляла себя диалектической философии. Однако современные традиции европейской мысли тоже продукт ее критики. Таков и диалогизм, хотя при этом он наследует диалектическую традицию, сглаживая ее радикализм, сближая ее с реальным жизненным опытом и адаптируя к более современным интеллектуальным тенденциям, которые можно обобщить как антропологический, лингвистический и плюралистический поворот в философии (следует уточнить последнее, поскольку это неологизм; под «плюралистическим поворотом» подразумевается уход от классического образа

единой теории философии к современному представлению о философии как сети теоретизаций, изменяющейся в соответствии с достижениями науки и изменением действительности, – важно, что эта сеть подразумевает умеренный диссонанс, что провоцирует постоянную динамику).

Чтобы представить статус диалогической философии в европейской философии аналогом аналитической философии для англо-американской, есть некоторые основания, вытекающие из понятия парадигмы. Она – не столько совокупность идей, но система образцов размышлений и презентаций их результатов в философском сообществе и в культуре в целом, то есть по большей мере – некоторый стиль. А ведь именно так и определяют аналитическую философию, – не как приверженность определенным концептуальным программам, а как определенный стиль («в широком смысле слова аналитическую философию можно трактовать как определенный стиль философского мышления» [1, с. 13]). Диалогистов нередко также легче объединять по признакам стилистики, чем по идеям. Например, если у Мартина Бубера или Михаила Михайловича Бахтина найти собственно размышления о диалоге как ключевом событии человеческого существования довольно просто, то это довольно сложно у Франца Розенцвейга или Ойгена Розенштока-Хюсси, также признанных классиков диалогизма. Зато их объединяет стремление к синтетизму и поэтике, внимательному отношению к другим мыслителям, осознанию личностной ограниченности своих взглядов, что предопределяет открытость Другому.

Многие из этих черт не специфичны для именно диалогизма, но свойственны европейскому типу философии, если не сводить его к вышеупомянутым экстремумам (которые, вместе с тем, также отчасти выражают эту специфику). Например, эти свойства легко найти в религиозной философии и академической непозитивистской традиции (в том, что можно называть «пострационализмом»). Как во многих других направлениях «континентальной» философии, и в диалогизме легко прослеживается связь между стилистикой и содержанием интерпретации идей. При этом диалогическая философия более, чем иные направления, выделяется как выразитель сути европейского мышления вследствие определенного баланса нейтральности ее понятия при четкости ее определения, что способствует большей конвенциональности (например, экзистенциализм – понятие менее нейтральное, – многие бы выступили против того, чтобы видеть в нем носителя сути европейской философии, а пострационализм – течение крайне неопределенное, сильно варьирующееся в конкретных институтах вследствие влияния профессиональных деформаций на философские обобщения, а потому сложно отчетливо обобщить европейские академические традиции, например, психологической и правовой философии).

Стоит оговориться и об оппозиции «англо-американская и европейская», так как она сильно изменила свое значение с середины XX в. Европейское интеллектуальное пространство стало испытывать определяющее

влияние англо-американской философии, особенно усилившееся в конце XX в. С другой стороны, активное включение европейских культур в англо-американскую интеллектуальную среду способствовало отходу англо-американской традиции от чистого аналитического стиля. Эта диффузия сделала разделение на англо-американскую и европейскую традиции менее четким.

Другое важное изменение, связанное с этой альтернативой, – активное включение в международное интеллектуальное и философское пространство восточных культур, а также формирование евразийских проектов. И в восточных, и в евразийских культурах проявляются тенденции синтетизма, которые в продуктивном выражении сближаются с диалогической философией. Конечно, в ряде аспектов (прежде всего в экономике, технологической и военной сферах) азиатские и евразийские культуры активнее заимствуют англофонные традиции, однако весь остальной массив культуры более характеризуется стилистикой и идеями, традиционно ассоциируемыми с европейской философией. Эта ситуация отчасти напоминает оппозицию «левые и правые» в политической сфере, она в течение XX в. также стала гораздо менее ясной. Не удивительно, что сегодня на смену внешним определениям идеологических и философских позиций приходят понятия, основанные на прямом усмотрении их сущности, поскольку и культура мышления стала сложнее, как и сама действительность, которую она осмысляет.

Конечно, логически более правильно было бы использовать простые бинаризмы с четким критерием. В частности, следовало бы разделять философию на аналитическую и синтетическую (предполагая, что их отличает преобладание определенных методов мышления), либо же на диалогическую и монологическую (считая важным критерием их разделения отношение к другому субъекту). Разумеется, философия не может строиться ни лишь на анализе и абстрагировании (тем более только языка), ни только на синтезе и обобщении. Однако преобладание того или другого существенно сказывается как на стилистике философствования, так и на содержании интерпретации идей. Также нельзя представить себе философствование ни как полную изоляцию мыслящего в своем опыте, ни как лишь сомыслие с Другим. Однако преобладание ориентации на самостоятельность или же на открытость иному ярко отражается в характере философии. Чистые аналитическая, синтетическая, монологическая и диалогическая философия – лишь идеальные типы, крайние значения шкал, позволяющие, вместе с тем, определить тот или иной опыт философии.

Но раз аналитическая и диалогическая философия – не настоящие противоположности, может ли диалогическая философия быть аналитической? Кажется, что описание диалогизма у М. Бубера этому противоречит. Он говорит: «каждое Оно граничит с другими Оно... Ты безгранично» [2, с. 17]; «Ты, не имеющий соседства и связующих звеньев... заполняет всё подне-

бесное пространство» [2, с. 19]; «я могу отделить от [Ты нечто, но тогда Ты] уже – не Ты» [2, с. 20]. Отношение Я-Ты действительно синтетично, однако сам М. Бубер признает, что пребывать в этом отношении всё время невозможно. Даже описать отношение Я-Ты не так просто. О. Розеншток-Хюсси критикует М. Бубера потому, что он фактически объективирует Ты (например, он говорит «опыт есть отдаление Ты», а не «опыт есть отдаление Тебя» [2, с. 20]). О. Розеншток-Хюсси потому называет М. Бубера «основателем ... учения о [еретической диалогической] добавке к академическому мышлению», которая по сути ничего не меняет в практике объективации действительности [3, с. 120]. Вряд ли следует быть столь же категоричным, как О. Розеншток-Хюсси, ведь тогда нужно вовсе отказаться от научного и академического мышления. Гораздо разумнее признать ограниченность радикального диалогизма.

Следует добавить, что философия М. Бубера развивается в русле иудаизма, а во всех авраамических религиях подлинный синтетичный Другой – только Бог (восприятие любого другого существа уникальным и абсолютным – это не что иное, как его обожествление, что считается тяжелым грехом). То, что отношение с другим человеком, природным существом или духовной сущностью, отступает к объективирующему отношению – не прискорбная странность, а важная составляющая подлинного существования. Подтверждение правильности такого подхода можно найти и у самого М. Бубера. Он приводит притчу, в которой Бог говорит жаждущему, чтоб Бог услышал его: «Свой слух я погрузил в глухоту смертных» [2, с. 106]. Это означает, что абсолютное Ты обнаруживается только в общении с различными людьми, природными существами и духовными сущностями.

К тому же ясно, что концепция М. Бубера, хоть и является чрезвычайно важной в диалогизме, не является единственно возможной. Более того, диалогическая философия не обязательно религиозна. Внетеистическая диалогическая философия (не следует ее путать с атеистической) также играет большое значение (например, Михаил Михайлович Бахтин, Юлия Кристева или Владимир Соломонович Библер). В их концепциях аналитика имеет важное значение именно для того, чтобы установить определенность точки зрения Другого или иного «строя разума».

Косвенно на то, что диалогическая аналитическая философия – отнюдь не противоречивое понятие, указывает то, что часто встречается противоположное сочетание – синтетическая монологическая философия. Ярким примером этого выступает гегелевская диалектика (в отличие от марксистской диалектики, которая далеко не во всех своих вариантах может быть названа вполне монологической в силу развития в реальных дискуссиях). Другие яркие примеры монологического синтетизма представляют религиозная, эзотерическая и иррационалистическая философия.

О том, что аналитическая диалогическая философия вполне возможна, свидетельствуют и тенденции самой аналитической философии. Это обна-

руживается даже в самом ее основании, поскольку Джордж Мур и Бертран Рассел не заставляли Людвиг Витгенштейна следовать их взглядам, а помогали развивать его собственные концепции, принимая его разработки даже в случаях, когда это означало необходимость признать собственные ошибки. Следует обратить внимание и на то, что это не было случайностью, но соответствовало базовой интенции аналитической философии, выраженной Б. Расселом в словах: «Привычка к тщательной [научной] правдивости, приобретенная в практике этого философского метода, может быть распространена на всю сферу человеческой деятельности, приводя, где бы она ни существовала, к уменьшению фанатизма и возрастанию способности сочувствия и взаимопонимания» [4, р. 759. – *перевод мой Д. М.*]. Важно также, что единство аналитической философии задается не столько идеями, сколько стилистикой. Тем самым аналитическая философия, по сути, представляет собой полилог различных точек зрения, а не единую монологическую теорию. Да и в целом подлинный диалог не может обойтись без разбора того, что говорится разными его участниками, – диалогизм вне аналитизма вырождается в монологизм.

Диалогизм нуждается в прививке аналитической философии, чтобы противостоять «семантическому загрязнению интеллектуального пространства», поскольку борьба с ним и есть основная цель аналитической традиции, по меткому замечанию Вольфганга Штермюллера [5, р. 20]. Влияние аналитической философии на диалогическую позволяет корректировать ее деформацию в сторону синтеза (и тем самым преобразование ее в диалектику).

Это, правда, не следует воспринимать как однозначное утверждение, что диалогическая философия должна быть аналитической. Стоит более внимательно рассмотреть вопрос о шкалах, на которых мы выделяем аналитическую и синтетическую, а также монологическую и диалогическую философию. Ясно, что эти шкалы не могут быть сведены к бинарным, на них есть промежуточные значения и некоторое среднее значение. Эта «золотая середина» может быть описана словами «философия, в которой методы анализа и синтеза применяются сбалансированно» и «философия, в которой сомыслие с Другим уравновешено с самостоятельной рефлексией». Если сопоставить эти шкалы с действительным положением дел в философии, то становится ясно, что практически все философские концепции отображаются именно в промежуточных значениях шкалы, тогда как крайние сложно даже вообразить, поскольку в этих крайних значениях философский мыслительный опыт перерастает в психопатологический. Тогда разумнее искать даже не диалогическую аналитическую философию, а некоторый центристский проект, в котором были бы соразмерны аналитизм и синтетизм, монологизм и диалогизм. Адекватность именно такого «диалогического центризма» диктуется еще и тем, что корректный синтез базируется на анализе (недостатки синтетической философии – следствие недооценки аналитических

процедур), а диалог – на выражении своего опыта в самостоятельной речи, то есть на монологе (плох не монолог, а его абсолютизация, приводящая к безразличию к Другому).

Если крайние значения философских позиций показывают свою неадекватность, а центризм – свою разумность, то почему нет ярких его прокламаций? Во-первых, это опять-таки происходит потому, что яркость характеризует экстремумы значений, то есть центризм не может быть броским по определению. В действительности центризм в философии преобладает ровно так же, как среди гигантского числа философов крайне мало ярких авторитетов со сверхцитируемостью. Во-вторых, в философии есть сильная тенденция к балансировке, но выражается она в реакции на крайние проявления. Например, аналитическая философия противостоит тотальному увлечению гегелевским синтетизмом, а диалогическая философия – монологизации интеллектуальной среды Европы (в частности, претензиями на «единственную правильность» в позитивизме и марксизме).

Аналитическая и диалогическая философия возникли достаточно давно (начало XX в.). Не исчерпали ли они свою задачу по балансировке крайностей синтетизма и монологизма? В этом, как кажется, гораздо большего результата добилась аналитическая философия, в том числе за счет того, что она приобрела значение ведущего направления современной философии. Синтетическая философия сегодня вызывает большие подозрения у самых широких групп интеллектуалов и ассоциируется скорее с эзотерикой, чем с академической традицией. В свою очередь претензия на однозначную точку зрения, которая носила бы нормативный статус в отношении всякого иного опыта, в философии и культуре вообще далеко не утрачена. Во многих случаях изменились идейные приоритеты, определяющие эти общеобязательные нормы, но не сама претензия на единственно верный взгляд. Например, под влиянием постструктурализма исключительно правильной может считаться точка зрения, что нет никакой единственно верной точки зрения в философии (очевидный парадокс, в решении которого вряд ли поможет концепция Б. Рассела).

Можно сказать, что опровержение претензии на однозначную точку зрения в эпоху постмодерна все же произошло, поскольку ортодоксией стала полифония. Однако полифония – не всегда диалог. Многоголосие может быть вполне монологичным, если никто никого не слушает или все повторяют одно и то же, просто по-разному. Диалог – не шум, а интеллектуальное со-развитие через речевое взаимодействие. В некотором смысле в условиях постмодернистской полифонии задача диалогической философии более сложна, чем при монологичности классической культуры. Легче бороться против засилья одной точки зрения, чем убеждать разных людей вести диалог – слушать и отвечать.

Итак, диалогическая философия может рассматриваться как продуктивный образ центризма в философии. Это обеспечивается тем, что она про-

тивостоит и монологизму, и хаотичному полилогу. Она также вне крайностей аналитизма и синтетизма (по крайней мере, такого, который приводит к неразличимости Я и Другого, одного высказывания от иного и пр.). Этим диалогическая философия отчасти напоминает диалектику, однако она выигрывает у диалектики в гуманистичности, меньшей императивности (поскольку в нем предполагается, что самоорганизация отношения превалирует над воспроизведением некоторых законов) и большей ориентации на речевое взаимодействие, что лучше соответствует стандартам антропологического, плюралистического и лингвистического поворота в философии.

Список использованных источников

1. Грязнов, А. Ф. Аналитическая философия / А. Ф. Грязнов; сост. и ред.: А.А. Лаврова. – Москва: Высш. шк., 2006. – 375 с. – (Классика философской мысли).
2. Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер; под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лезова. – Москва: Изд-во «Республика», 1995. – 464 с.
3. Розеншток-Хюсси, О. Бог заставляет нас говорить. / О. Розеншток-Хюсси. – Москва: «Канон+», 1997. – 288 с. – (История философии в памятниках).
4. Russell, B. History of Western Philosophy / B. Russell. – London; New York: Routledge Classics, 2004. – 778 p. – (Routledge Classics).
5. Mautner, T. The Penguin Dictionary of Philosophy / T. Mautner. – Suffolk: Penguin Books, 2000. – 641 p.

(Дата подачи: 27.02.2025 г.)

С. Н. Мизякина

Институт бизнеса, Белорусский государственный университет,
Минск

S. N. Miziakina

School of Business of Belarusian State University, Minsk

УДК 327.88

РАЗРУШЕНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ СЕТЕВЫХ ВОЙН¹

NATIONAL IDENTITY DESTRUCTION AS AN NETWORK WARS ELEMENT

В статье обозначены характерные черты сетевых войн. Показано, что разрушение общенациональной идентичности является одной из целей сетевой войны. Выявлены некоторые способы, с помощью которых происходит разрушение национальной идентичности в сетевой войне.

Ключевые слова: национальная идентичность; сетевое общество; сетевые войны; национальная безопасность.

---

¹ Статья выполнена в рамках гранта БРФФИ № Г24-072.